

Майя
Волчкевич

12+

«ВИШНЕВЫЙ САД»

ОЧЕНЬ
РУССКАЯ КОМЕДИЯ

Майя Анатольевна Волчкевич
«Вишневый сад».
Очень русская комедия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63099382

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга посвящена пьесе «Вишневый сад», которая поныне не сходит со сцен мирового театра. . В спорах о судьбах героев, их прошлом, настоящем и будущем, о поэтике и жанре этой пьесы ставились главные вопросы русской жизни. С годами, со сменами эпох она, как все такие произведения, взывает к перечитыванию и комментарию. Данная книга адресована тем, кого интересует «Вишневый сад» в контексте времени и творчества Чехова.

Содержание

От автора	6
Вместо предисловия	9
«Дядюшкин сон», или Как Гаев «проел свое состояние на леденцах»	13
«Барыня из Парижа приехала!», или О жизни Раневской во Франции	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Майя Волчкевич

«Вишневый сад».

Очень русская комедия

Моим родителям, моей сестре

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Раневская Любовь Андреевна, помещица.

Аня, ее дочь, 17 лет.

Варя, ее приемная дочь, 24 лет.

Гаев Леонид Андреевич, брат Раневской.

Лопахин Ермолай Алексеевич, купец.

Трофимов Петр Сергеевич, студент.

Симеонов-Пищик Борис Борисович, помещик.

Шарлотта Ивановна, гувернантка.

Епиходов Семен Пантелеевич, конторщик.

Дуняша, горничная.

Фирс, лакей, старик 87 лет.

Яша, молодой лакей.

Прохожий.

Начальник станции.

Почтовый чиновник.

Гости, прислуга.

Действие происходит в имении Л. А. Раневской.

От автора

Размышления об истории «Вишневого сада», тексте и контексте пьесы, продолжают цикл исследований, начатый автором в книгах «“Чайка”. Комедия заблуждений», «“Дядя Ваня”. Сцены из непрожитой жизни» и «“Три сестры”. Драма мечтаний».

Герои чеховских пьес, с их надеждами, страстями, заблуждениями, жалобами, разочарованиями и упованиями, стали за эти годы если не дальними родственниками, то вечными собеседниками и оппонентами автора. Постепенно, вольно или невольно, даже коллизии и истории из реальной жизни начинали вдруг соотноситься с сюжетами жизни писателя Тригорина, профессора Серебрякова, служащего земской управы Андрея Прозорова или скромного учителя Медведенко.

Комедия «Вишневый сад» оказалась в этом смысле самой трудной. Персонажи последней пьесы Чехова, кажется, не задаются вопросами, которые мучали прежних героев. «Кто я? Что я?» – спрашивает себя Тrepлев, которого грызет чувство, что среди прославленных и удачливых лишь он один – «ничто». Ивана Петровича Войницкого доводит до мыслей о самоубийстве убеждение, что «пропала жизнь», что он «талантлив, умен, смел» и если бы он жил «нормально, то из него мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...». «Куда?

Куда все ушло? Где оно?» – плачет Ирина в «Трех сестрах», льстившая себя надеждами и ожиданиями. Эти и другие вопросы вызывают к поиску ответов, к размышлениям, к попыткам отгадать и объяснить, отчего «обманывает жизнь» и обманывает ли она.

Персонажи «Вишневого сада» находятся в бедственной, катастрофической ситуации. Все они, кроме Лопухина, обречены или сами обрекли себя на бездомность, скитания и нужду. Однако не задаются вопросами, как спастись или хотя бы отсрочить надвигающееся несчастье. Более того, они как будто специально избегают любых разговоров о том, как спастись от разорения, будто слепнут и глохнут, не видят очевидного. Банкроты Раневская и Гаев ведут на досуге досужие споры о некоем «гордом человеке». Бесприданница Аня с восторгом слушает речи студента Трофимова о том, что «мы идем вперед неудержимо к яркой звезде». В день продажи сада с торгов даже затевается веселый бал.

«Вишневый сад» на самом деле очень русская комедия. Печаль об утраченном вишневом саду и надежда на цветение нового вишневого сада – вечная русская «печаль» и вечная русская утопия. Поэтому неисчерпаем интерес к последнему произведению Чехова.

* * *

Я благодарна исследователям, ушедшим и современни-

кам, которые посвятили «Вишневому саду» талантливые книги, диссертации, статьи. Режиссерам и актерам, чьи постановки и игра открывали бесконечную глубину и поэзию пьесы. Хранителям творческого наследия Чехова, архивистам, библиотекарям и сотрудникам музеев за живое слово в наших разговорах о Чехове.

Вместо предисловия

«Вишневый сад» идет на мировой сцене уже более ста лет. Каждый год появляется новая версия комедии, иногда вызывая раздражение коллег-драматургов: «Что, кроме Чехова, нет современных авторов?» Исследователи тоже сталкиваются с вежливым (или невежливым) недоумением нового знакомого: «О пьесах Чехова пишете? Столько написано уже... И что можно еще сказать?»

Что можно еще сказать?

Прошлое героев чеховских пьес часто скрыто или утаено – это сознательный прием автора. Неразрешимые узлы чеховских пьес завязываются в прошлом, которое прорастает сквозь настоящее. Это не пресловутые «скелеты в шкафу» или постыдные тайны. В истории героев вроде бы нет ничего ужасного или трагического, однако Ирина Прозорова с горечью говорит в начале пьесы: *«У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава...»*¹

Дядя Ваня, Иван Петрович Войницкий, смотрит на племянницу и произносит странные слова: *«Сестра моя... милая сестра моя... Где она теперь? Если бы она знала! Ах,*

¹ Все цитаты из писем и произведений А. П. Чехова приводятся в тексте по изданию: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Они выделены курсивом без указания соответствующих томов.

если бы она знала...» «Что? Дядя, что знала?» – спрашивает Соня, но Войницкий уклоняется от ответа.

Герои «Чайки», «Дяди Вани», «Трех сестер» толкуют о новой жизни, иной жизни, перемене участи. Однако постоянно, как Треплев или его антагонист Тригорин, возвращаются к прежней «рутине». Прозоровы никогда не решатся купить пресловутый билет в Москву, а Иван Петрович Войницкий продолжит регулярно высылать деньги ненавистному профессору Серебрякову.

В конце действия персонажи как бы перемещаются в начало, словно «прикрепленные» к тому, что им так опостылело: старым сюжетам, нелюбимому городу, скучному сидению за счетами.

«Вишневый сад» – пьеса исхода. Все главные события в этой истории уже произошли, а герои собираются в одном месте на короткий срок, чтобы больше никогда не встретиться. Будущего в пьесе нет ни у владельцев имения, ни у вишневого сада.

Хозяева не прилагают особенных усилий, чтобы избежать торгов и предотвратить разорение. Скорее наоборот – всячески уклоняются от планов спасения «дивного, прекрасного» сада. Все лето, последнее лето в имении, персонажей занимает совсем иное. То, что составляет смысл их существования. Раневская тревожится о любовнике, оставшемся в Париже, и стремится скорее вернуться к нему. Гаев непрерывно играет в бильярд. Аня с упоением внимает речам «вечно-

го студента» Трофимова, который уверен, что идет «неудержимо вперед, к яркой звезде». Вишневый сад не интересен и не нужен никому из персонажей пьесы, потому что он не дает дохода и замечателен лишь тем, что «очень большой».

Почему комедия называется «Вишневый сад»? Дом, имение, земля и сад – это то, чем была русская жизнь на протяжении нескольких веков и что необратимо кончается. Старый Фирс горюет, что нынче все «враздробь» и ничего не поймешь.

То, что происходит в последней чеховской пьесе, – следствие «воли», которую получили не только крепостные, но и их владельцы. «Вишневый сад» – очень русская комедия, если иметь в виду не жанр, но исторические обстоятельства, ту самую «историю с географией». «Земельный вопрос», так и не решенный в России второй половины XIX века, уже не волнует наследников некогда огромного имения, им жаль, впрочем, весьма элегически, лишь сада.

Сад – создание рук человеческих, декоративное, недолговечное, прихотливое, постоянно нуждающееся в уходе. Он таит в себе тени прошлого, о чем неоднократно упоминается в пьесе. *«Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов...»* – спрашивает Трофимов. Раневской чудится, что белое деревцо, склонившееся на повороте к бе-

седке, – это ее покойная мать, которая идет по саду в белом платье.

Что же такое этот замечательный вишневый сад, упоминаемый даже в энциклопедическом словаре? По чьей прихоти и как он был создан?

Почему Фирс называет «волю» (указ об отмене крепостного права) «несчастьем»? Чем обернулось это «несчастье» для тех, кто владел землей, и для тех, кто работал на земле?

Отчего Раневская и Гаев, дети помещиков, так легко и быстро промотали наследство своих предков?

Как жила Любовь Андреевна во Франции и что такое была ее «заграничная жизнь»?

Что значит фраза Гаева – «я проел свое состояние на леденцах», что это за «леденцы»?

Кто такой «гордый человек»? О чем спорят во втором действии «Вишневого сада»?

Почему Ермолай Алексеевич Лопухин – необычный купец? Что такое «дачный проект» и дачники, в чье будущее почему-то верит Лопухин?

И, наконец, чем был сад для самого Чехова, любившего сажать деревья и цветы, но неизменно предпочитавшего простор и первозданную природу – поля, леса, степи?

«Дядюшкин сон», или Как Гаев «проел свое состояние на леденцах»

Леонид Андреевич Гаев означен в списке персонажей «Вишневого сада» как брат Раневской.

Вишневый сад ему не принадлежит, он брат владелицы имения. Кроме того, он дядя своих племянниц – Ани и Вари. И подопечный лакея Фирса. Старому слуге – восемьдесят семь лет, немолодому барину исполнился пятьдесят один год.

Трудно сказать, что представляет Гаев сам по себе – он лишь бывший господин, сохранивший все барские привычки.

Образ «дядюшки» в русской литературе хрестоматиен. Он невольно задан первыми строками «Евгения Онегина». Все помнят, что родственник главного героя «не в шутку занемог» и «уважать себя заставил».

История дяди и племянника (племянницы) – тема не только семейная, родственная. Не одни лишь фамильные узы, голос крови, но и дела житейские могут связывать членов большой семьи. Отношения дяди и племянников, сестры и брата в разных вариациях живописуют жизнь клана. Однако связи эти не такие тесные и личные, как между детьми

и родителями. Они являют портрет поколений: Адуев-старший и Адуев-младший в «Обыкновенной истории» Гончарова, Кирсановы в «Отцах и детях» Тургенева, «новейший самоучитель» Мамаев и ловкач Глумов в пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты», старый князь-рамоли в повести Достоевского «Дядюшкин сон», полковник Ростанев в «Селе Степанчиково и его обитателях».

В драматургии Чехова фигура дяди – сквозная и очень значимая: дядя Жорж в «Лешем», добряк Сорин в «Чайке», Иван Петрович Войницкий, чьим именем названа пьеса «Дядя Ваня», Гаев в «Вишневом саде». Отцы если и упоминаются, то глухо или нелестно: жестокосердный отец Сарры в «Иванове»; отец Нины Заречной (о котором говорят – «порядочная-таки скотина»); генерал Прозоров, угнетавший детей воспитанием. Герой «Дяди Вани», профессор Серебряков, отличается полнейшим равнодушием к своей дочери.

Как персонаж дядюшка в пьесах Чехова – существо если не доброе, то добродушное, сентиментальное. Все дядюшки – и Войницкий, и Сорин, и Гаев – одиноки и по-своему очень привязаны к своим младшим родственникам. Такая связь обусловлена тем, что племянники (Треплев, Соня, Аня) полу-сироты, не очень нужные отцу или матери. Однако ни забота Сорина о Треплеве, ни любовь Войницкого к Соне, ни нежность Гаева к Ане не приносят хоть сколько-нибудь счастья в жизнь их подопечных. Сорин не в силах удержать Треплева от самоубийства. Войницкий превращает

юнюю Соню в экономку и обрекает ее на такую же безрадостную жизнь, которую ведет он сам. Гаев называет племянницу Аню своим «ангелом» и клянется ей в том, что имение будет спасено, но его слова остаются лишь словами.

Дядя в пьесах Чехова – существо беспомощное хотя бы потому, что он не властен даже над своей жизнью.

Какой была жизнь Леонида Андреевича Гаева, остается неясным. Как и Раневская, он принадлежит к дворянскому поместному роду и вырос в достатке. Он получил большое состояние от родителей (во втором действии упоминается имение Гаева). Состояние он промотал. К жизни приспособлен примерно так же, как Илья Ильич Обломов. Фирс ходит за ним, как за ребенком.

Если собрать воедино все реплики Леонида Андреевича, рассыпанные в «Вишневом саде», выяснится любопытная особенность – лишь немногие из них относятся к тому, что происходит в настоящей жизни, здесь и сейчас. Мыслями Гаев постоянно пребывает в другой реальности, заманчивой и сладкой. Конечно, все герои, кроме Лопухина, существуют в некотором «отрыве» от действительности – поэтому в пьесе так много странных реплик, слов и восклицаний. Но именно Гаев играет самую неслаженную «партию» в этом «оркестрике».

Даже первое появление этого персонажа на сцене сопровождается авторской ремаркой: *«Гаев, входя, руками и туловищем делает движения, как будто играет на бильярде».*

Раневская на это живо отзывается: «*Как это? Дай-ка вспомнить... Желтого в угол! Дуплет в середину!*» «*Режу в угол!*» – откликается Гаев.

На протяжении всей пьесы Гаев не к месту и безо всякой причины повторяет: «режу в угол», «режу в середину», «от двух бортов в середину!», «кладу чистого», «дуплет в угол, круазе в середину» (термины игры в бильярд) или произносит высокопарные речи.

Беседует Гаев только с сестрой и племянницами, иных людей для него будто и не существует. Всех остальных персонажей он почти не замечает. Они для него – лишь источник досадного шума или неприятного запаха. В ответ на речи купца Лопухина чаще всего следует неизменное «Кого?» и «Какая чепуха!». Лакею Яше адресуется еще одна коронная реплика: «Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет».

Такое поведение можно списать на барскую спесь, несмотря на важные уверения почтенного Леонида Андреевича, что недаром его «мужик любит» и что «мужика надо знать».

Разумеется, помещику хорошо было бы «мужика знать». Рачительный барин должен был каждодневно заниматься хозяйством, землей, лесами, пашней, тем же садом. Покупать сельскохозяйственные инструменты, продавать урожай. Иначе его вечно обворовывали управляющие, а поместье не приносило дохода.

Помещик Иванов из одноименной пьесы забросил заботу об имении и с горечью признается себе: «*Земля моя глядит*

на меня, как сирота». Благодушный Сорин («Чайка») доверил дела управляющему Шамраеву, и теперь ему остается только жаловаться: *«Пчелы дохнут, коровы дохнут, лошадей мне никогда не дают...»* Чтобы выплатить долги и получить небольшой доход, Войницкий и Соня («Дядя Ваня») заняты каждодневными неотложными заботами и хлопотами, вникают в каждую мелочь, сидят над счетами и торгуют на рынке.

«Идеального» помещика-хозяина поэтизировал Толстой в «Анне Карениной», описывая «труды и дни» Константина Левина. Левин и Гаев – современники и почти ровесники, действие романа Толстого падает на вторую половину семидесятых годов XIX столетия, Гаев постоянно напоминает, что он – «человек восьмидесятых годов», и толкует про семидесятые годы.

По репликам постаревшего Гаева, утратившего свое состояние и имение, можно догадаться, насколько его жизнь была далека от поместья и угодий, от сельского хозяйства. Обитал он в городе (том же Харькове, например) и по всем своим привычкам, наклонностям и желаниям явно напоминает не Левина, а другого барина и землевладельца из романа Толстого – Стиву Облонского. Хотя чеховский «городской барин» представляет собой сколок, шарж даже на Стиву Облонского, описанного автором с большой симпатией и большой иронией.

Жуир и любитель удовольствий Стива служит начальни-

ком в одном из присутствий, пусть и без особой охоты. Облонский обременен большой семьей, которую надо содержать. У него пятеро детей, несмотря на это он предпочитает вести «холостяцкий» образ жизни. Стива «сводит», то есть продает, леса, потому что привык жить широко и со вкусом. Левин на правах родственника вникает в дела безалаберного приятеля и сам берется вести переговоры с «хищником» и новым капиталистом, купцом Рябининым. В «Анне Карениной» сама идея продолжения и обеспечения рода предписывает помещикам, желают они того или нет, заботиться о земле, которой они владеют.

В «Вишневом саде» барин Гаев предстает лишенным всего того, что для Толстого составляло основу, костяк, фундамент дворянского сообщества. У Гаева нет и, по-видимому, никогда не было семьи, жены и детей. Скорее всего, он никогда не служил и не имеет никакого представления о систематическом труде и деятельности, в чем бы они ни заключались. Свое, видимо, немалое состояние Гаев «прожил». Вопрос в том, чем по сути была «леденцовая» жизнь чеховского героя?

Судя по всему, им владела и владеет до сих пор одна, но неотступная страсть. Муж Раневской «умер от шампанского», а сама Любовь Андреевна одержима «любовью», как бы она ни называла это чувство. Было свое «шампанское» и у Гаева. Чем же занимался Леонид Андреевич последние лет тридцать? Он был завсегдаем клуба.

Клубы как способ проведения досуга для состоятельных мужчин пришли в Россию в конце XVIII века из Европы. Клуб предназначался для избранного общества, соединял в себе игорный дом и изысканный ресторан. Здесь можно было обсуждать новости и происшествия, отмечать важные события, завязывать нужные знакомства. Несуразные и высокопарные речи, которые постоянно произносит Гаев, – отголосок вечной привычки «шуметь» на клубных собраниях, блистать красноречием и произносить тосты.

Замечательное описание московского клуба и ощущения, которое испытывает герой, снова оказавшись там, дано в «Анне Карениной»: *«Левин приехал в клуб в самое время. Вместе с ним подъезжали гости и члены. Левин не был в клубе очень давно, с тех пор как он еще по выходе из университета жил в Москве и ездил в свет. Он помнил клуб, внешние подробности его устройства, но совсем забыл то впечатление, которое в прежнее время испытывал в клубе. Но только что въехав на широкий полукруглый двор и слезши с извозчика, он ступил на крыльцо и навстречу ему швейцар в перевязи беззвучно отворил дверь и поклонился. <...> Левина охватило давнишнее впечатление клуба, впечатление отдыха, довольства и приличия. <...>*

Ни одного не было сердитого и озабоченного лица. Все, казалось, оставили в швейцарской с шапками свои тревоги и заботы и собирались неторопливо пользоваться материальными благами жизни. <...>

Выйдя из-за стола, Левин, чувствуя, что у него на ходьбе особенно правильно и легко мотаются руки, пошел с Гагиным через высокие комнаты к бильярдной. <...> Разговаривая и здороваясь со встречавшимися знакомыми, Левин с князем прошел все комнаты: большую, где стояли уже столы и играли в небольшую игру привычные партнеры; диванную, где играли в шахматы <...>, бильярдную, где на изгибе комнаты у дивана составила веселая партия с шампанским...»²

Любопытно, что и в советской литературе фигура бывшего барина и мота тоже ассоциируется с клубной жизнью и высокопарными речами. Роман «Двенадцать стульев», написанный в 1927 году, включал изъятую авторами главу «Прошлое регистратора загса», опубликованную как самостоятельный рассказ. Главу можно назвать собирательной пародией Ильфа и Петрова на дворянскую «красивую жизнь», где бездумный жуир Воробьянинов очень напоминает Гаева.

В прошлом Воробьянинов – «мот, бонвиван, уездный предводитель дворянства». Он получил в наследство двадцать тысяч годового дохода и огромное, плохо поставленное хозяйство. Воробьянинов прожил свое состояние и состояние жены, возил любовницу в Париж, любил произносить на банкетах цветистые речи. На юбилее охотничьего

² Цитаты из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» приведены в тексте по изданию: *Толстой Л. Н. Собр. соч.:* В 20 т. Т. 8. М.: Художест. лит-ра, 1981. Даны курсивом без указания страниц.

клуба он адресовал свои словеса не «многоуважаемому шкафу», но не менее странному объекту – шкуре, принадлежавшей двухтысячному волку, убитому знаменитым охотником: *«Милостивые государи, господа члены охотничьего клуба! Позвольте вас поздравить от имени старгородских любителей ружейной охоты с таким знаменательным событием. Очень, очень приятно видеть таких почтенных любителей ружейной охоты <...> которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов! Очень, очень приятно!»*³

Когда, спустя одиннадцать лет после революции, Воробьянинов вновь возникает на пороге бывшего дома, дворник Тихон, с тоской вспоминающий былые времена и своего господина, восклицает: *«Барин! <...> Из Парижа!»*

Это восклицание будто отсылает к завязке «Вишневого сада». Раневская возвращается из Парижа, и верный лакей Фирс встречает ее словами: *«Приехали из Парижа... <...> Барыня моя приехала! Дождался...»*

Клуб не только как досуг, но как место, где только и можно быть собой, нередко встречается в прозе Чехова. Чеховский завсегда тай клуба и ресторанов – человек, склонный к праздности, жуир, охотно избегающий своих обязанностей и ведущий некую «параллельную» жизнь.

Гуров в «Даме с собачкой» по приезде в Москву после своего ялтинского «приключения» прежде всего радуется возвращению к приятному досугу: *«Его уже тянуло в ре-*

³ Ильф И., Петров Е. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1961. С. 545–546.

стораны, клубы, на званые обеды, юбилеи, и ему уже было лестно, что у него бывают известные адвокаты и артисты и что в докторском клубе он играет в карты с профессором. Уже он мог съесть целую порцию селянки на сковородке...»

Герой рассказа ездит в «докторский» клуб, хотя сам не является врачом. Однако там, как, например, и в литературно-художественном клубе, можно было встретить знаменитых людей. Именно в клубе состоялся его разговор с таким же гурманом и любителем жизненных удовольствий: *«Однажды ночью, выходя из докторского клуба со своим партнером, чиновником, он не удержался и сказал:*

– Если бы вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

– Дмитрий Дмитриевич!

– Что?

– А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!»

Эта невинная, особенно в устах любителя вкусно покушать, фраза становится для Гурова переломной. Он вдруг начинает возмущаться в душе людьми своего круга, их привычками и нравами: *«Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечистыми. Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разгово-*

воры все об одном. Ненужные дела и разговоры все об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остается какая-то куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти, и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!»

Герой рассказа «Ионыч» тоже презрительно отзывается о клубах, завсегдатаем которых является, избегая при этом театров и концертов: *«Эх! – сказал он со вздохом. – Вы вот спрашиваете, как я поживаю. Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь – сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?»*

Клуб становится для многих чеховских героев своеобразной «преисподней» скучной, бескрылой, нечистой «дневной» жизни. Игра для таких героев – единственное развлечение и имитация реальности. В конце рассказа Ионыч уже мало похож на человека, настолько его одолели жадность и обжорство: *«По вечерам он играет в клубе в винт и потом сидит один за большим столом и ужинает. Ему прислуживает лакей Иван, самый старший и почтенный, подают ему лафит № 17, и уже все – и старшины клуба, и повар, и лакей – знают, что он любит и чего не любит, стараются изо всех сил угодить ему, а то, чего доброго, рассердится вдруг и станет палкой стучать о пол».*

Чеховский «клубный человек» – почти всегда мот и растраччик: деньги в клубную «копилку» перетекают прямо из «копилки» семейной. В клубе спускает деньги Андрей Прозоров, герой «Трех сестер».

Спивающийся доктор Чебутыкин, с которым Андрей вместе пьет и играет в клубе, с тоской говорит: *«Кое-что знал лет двадцать пять назад, а теперь ничего не помню. Ничего... В голове пусто, на душе холодно. Может быть, я и не человек, а только делаю вид, что у меня руки и ноги... и голова; может быть, я и не существую вовсе, а только кажется мне, что я хожу, ем, сплю. (Плачет.) О, если бы не существовать! (Перестает плакать, угрюмо.) Черт знает... Третьего дня разговор в клубе; говорят, Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем показал, будто читал. И другие тоже, как я. Пошлость! Низость! И та женщина, что уморил в среду, вспомнилась... и все вспомнилось, и стало на душе криво, гадко, мерзко... пошел, запил...»*

Эти герои хотя бы могут устыдиться того, во что превратилась их жизнь, или, по крайней мере, сказать о себе неприятную правду.

Гаев, который завершает череду любителей приятного досуга, правду себе и о себе сказать уже не может. Даже когда видит неизбежность катастрофы, когда плачет о потере сада, он считает себя человеком порядочным и немало пострадавшим. И этим напоминает двух других фразеров и любителей

«сладкой жизни» – героев рассказа «У знакомых» Лосева и Панаурова из повести «Три года».

В рассказе «У знакомых» на торги выставляют усадьбу Кузьминки. Усадьба была приданым, которое за короткие шесть лет прогулял муж героини, Сергей Сергеич, *«пускавшийся в первые годы после женитьбы на разные аферы. Разорили его и эти дачи, и разные хозяйственные предприятия, и частые поездки в Москву, где он завтракал в “Славянском базаре”, обедал в “Эрмитаже” и кончал день на Малой Бронной или на Живодерке у цыган (это называл он “встряхнуться”)*». О нем сказано, что он всегда *«подразжал кому-нибудь; если закатывал глаза, или небрежно откидывал назад волосы, или впадал в пафос, то это значило, что накануне он был в театре или на обеде, где говорили речи*».

Лосев говорит о себе, что он *«идеалист, непрактичен, честен, чист душой*», с чувством произносит слова: *«Мое поле – большой, шумный город, моя стихия – борьба!»* И, даже когда рыдает, искренне жалеет себя. Никакая «правда», сказанная адвокатом Подгориным в сердцах, не достигает его ушей, он не может услышать эту правду.

Очаровательный Панауров в повести «Три года» прожил приданое жены и имение. При этом успел завести вторую семью. Однако вполне серьезно и важно уверяет, размышляя о себе самом: *«Конечно, я не гениальный администратор, но зато я порядочный, честный человек, а по нынешним временам и это редкость. Каюсь, иногда женщин я обманывал*

слегка, но по отношению к русскому правительству я всегда был джентльменом».

Когда Чехов описывает, куда из карманов Панаурова в короткий срок утекли десятки тысяч рублей, нетрудно представить разорение Леонида Андреевича Гаева: *«Чтобы прожить так много в такое короткое время, нужно иметь не страсти, а что-то другое, какой-то особый талант. Панауров любил вкусно поесть, любил хорошую сервировку, музыку за обедом, спичи, поклонны лакеев, которым небрежно бросал на чай по десяти и даже по двадцати пяти рублей; он участвовал всегда во всех подписках и лотереях, посылал знакомым именинницам букеты, покупал чашки, подстаканники, запонки, галстуки, трости, духи, мундштуки, трубки, собачек, попугаев, японские вещи, древности; ночные сорочки у него были шелковые, кровать из черного дерева с перламутром, халат настоящий бухарский и т. п., и на все это ежедневно уходила, как он сам выражался, “прорва” денег».*

Кроме «красивой жизни», на которую тоже ушла прорва денег, «леденцами» Гаева была игра на бильярде⁴. Гаев или говорит речи, или сыплет терминами игры в бильярд. По сути, «проев состояние», он ведет фантомную жизнь. Если все мысли Раневской, о чем бы она ни говорила, заняты ее па-

⁴ См.: Стрельцова Е. И. Игрок Гаев, или Поле бильярдного стола // Чеховская карта мира. Материалы международной научной конференции. Мелихово. 3–7 июля 2014 года. Мелихово, 2015. С. 353–365; Балин И. В. В мире бильярда. Ростов-на-Дону, 1999.

рижским любовником, Гаев при всех обстоятельствах продолжает играть в бильярд. Он болен этой страстью, как любовью игроман.

Вкусная еда и страсть к игре – это все, что осталось у него от прежней жизни. Во втором действии он произносит с удовлетворением: *«Вот железную дорогу построили, и стало удобно. (Садится.) Съездили в город и позавтракали... желтого в середину!»* И тут же в нетерпении добавляет: *«Мне бы сначала пойти в дом, сыграть одну партию...»* В третьем действии он признается: *«А у меня дрожат руки: давно не играл на бильярде»*. Бильярдный стол, который стоит в доме, конечно, приобретен для Гаева.

Пришедший в Россию из Европы, бильярд был игрой для состоятельных господ. Как и в других азартных играх, на бильярде проигрывали и выигрывали. Как в любой игре, существовали профессиональные бильярдисты и бильярдные шулера. В письме от 22 апреля 1889 года Чехов описал случай, как однажды ночью он зашел в московский трактир, где «в битком набитой бильярдной два жулика отлично играли в бильярд».

Сам Чехов, по собственному признанию, в молодости играл на бильярде. В его письмах упоминается один из известных русских бильярдистов, автор «Теории бильярдной игры. Руководство для новичков и артистов», А. И. Леман. В этой книге, выдержавшей два издания, в разборе ударов, игр и партий встречаются термины, которыми «оперирует» Гаев:

«дуплет», «круазе», «режу в угол».

Кроме бильярдной игры, Леман подвизался на почве литературы и журналистики. Чехов отзывался о нем весьма нелицеприятно: «Кто такой Леман? Не тот ли, которого я знал в Москве? Черненький, маленький, куценький, чистенький. Всюду суется и с апломбом». О нем же Чехов иронически отозвался в другом письме: «<...> нужно, чтобы я, умирая, был уверен в том, что после моей смерти <...> товарищи не позволят г. Леману читать на моей могиле речь от имени молодых писателей, к которым г. Леман принадлежать не имеет права, ибо он не писатель, а только прекрасный игрок на бильярде».

Бильярд как игра, как примета дворянского быта или богатого дома, упоминается в письмах Чехова конца восьмидесятых – начала девяностых годов. В 1888 году в письме к брату Михаилу из Петербурга (Чехов остановился тогда в доме издателя А. С. Суворина) он писал: «Ночь. Слышен стук бильярдных шаров: это играют Гей [сотрудник газеты “Новое время”] и мой Василий [лакей в доме Суворина]».

В 1891 году Чехов нанял в «заброшенной поэтической усадьбе верхний этаж большого каменного дома» у помещика Е. Д. Былим-Колосовского. Именно эту усадьбу, отчасти напоминающую владение Раневской, Чехов описал в письме к А. С. Суворину от 27 мая: «Домина громадный, парк великолепный, река, пруд, и для Вас как раз бы подошло, но телеграфировать Вам остановили меня отсутствие мебели (есть

она, но обшарпанная, старинная), отдаленность от станции – 10 верст, неимение рессорных экипажей и многое другое, что длинно было бы перечислять. Помещения так много, что поместились бы и Вы, и мы: Вы в большом доме, а мы в едином из флигелей; но где бы Вы взяли мебели и экипаж? Анна Ивановна [жена Суворина], приехав и увидев обстановку, обругала бы меня мужиком и больше ничего. Если хотите, то дачу эту можно будет приготовить Вам к будущему году. Из нее можно сделать рай. Фортепьяно есть, можете себе представить. И бильярд есть».

Бильярд упоминается в рассказе «Володя большой и Володя маленький», повести «Моя жизнь». В романе «Драма на охоте» рассказчик, Камышев, приезжает в усадьбу приятеля, графа Карнеева. Есть в этой усадьбе необыкновенный фруктовый сад: *«Графский сад, по которому мы гуляли, ввиду его поражающей роскоши, достоин особого, специального описания. В ботаническом, хозяйственном и во многих других отношениях он богаче и грандиознее всех садов, какие я когда-либо видел. Кроме вышеописанных поэтических аллей с зелеными сводами, вы найдете в нем всё, чего только может требовать от сада взгляд прихотливого баловня. Тут и всевозможные, туземные и иностранные, фруктовые деревья, начиная с черешен и слив и кончая крупным, с гусиное яйцо, абрикосом. Шелковица, барбарис, французские бергамотовые деревья и даже маслина попадают на каждом шагу... Тут и полуразрушенные, поросшие мхом гроты, фон-*

таны, прудики, предназначенные для золотой рыбы и ручных карпов, горы, беседки, дорогие оранжереи... И эта редкая роскошь, собранная руками дедов и отцов, это богатство больших, полных роз, поэтических гротов и бесконечных аллей было варварски заброшено и отдано во власть сорным травам, воровскому топору и галкам, бесцеремонно вившим свои уродливые гнезда на редких деревьях!»

Характерна деталь, подчеркивающая небрежение графа Карнеева как владельца сада и скорое разорение еще недавно богатейшего имения. Камышев и Карнеев направляются к желтой каменной беседке, «в которой когда-то был буфет с бильярдом, кеглями и китайской игрой». В беседке их ожидает весьма странное зрелище: *«На старом, полинявшем бильярде с порванным сукном лежал старик невысокого роста в синем пиджаке, полосатых панталонах и жокейском картузике. Он сладко и безмятежно спал. Вокруг его беззубого, похожего на дупло рта и на остром носу хозяйничали мухи. Худой, как скелет, с открытым ртом и неподвижный, он походил на труп, только что принесенный из мертвецкого подвала для вскрытия».*

Написанную в 1884 году «Драму на охоте» отделяют от «Вишневого сада» почти двадцать лет, но картина лежащего на столе садовника Франца, «худого как скелет», будто предвосхищает финал последней пьесы Чехова, трагическую смерть старого Фирса.

Разоренная барская усадьба, роскошный, экзотический

сад и бильярд как бы соединяются в поэтике Чехова в некий единый образ, чрезвычайно важный и выразительный в пьесе о разорении рода, гибели сада и проигранной жизни. В 1903 году, в письме от 14 октября, размышляя о возможных исполнителях ролей, он писал жене, О. Л. Книппер-Чеховой: «Гаев – для Вишневого. Попроси Вишневого, чтобы он прислушался, как играют на бильярде, и записал бы побольше бильярдных терминов. Я не играю на бильярде или когда-то играл, а теперь все позабыл, и в пьесе у меня все случайно. Потом с Вишневым мы сговоримся, и я впишу все, что нужно». Но герой-игрок не был случайным.

Страсть Гаева к игре и страсть к речам стали сутью его натуры. Можно представить, как Гаев витийствовал в кругу приятелей, какие тосты за общественное благо и высокие идеалы произносились за столом. Клубы, обеды и игра – все в прошлом за неимением средств. Но «фантомная» жизнь Гаева продолжается, он просто не в силах остановиться. Даже Раневская, далеко не образец здравомыслия и трезвого отношения к жизни, саркастически комментирует очередной «прожект» брата по спасению сада: *«Это он бредит. Никаких генералов нет»*.

Во втором действии «Вишневого сада» она же с усмешкой замечает: *«Зачем так много говорить? Сегодня в ресторане ты говорил опять много и все некстати. О семидесятих годах, о декадентах. И кому? Половым говорить о декадентах!»* Но Гаеву поговорить хочется. Раззадоренный речами

других персонажей, он начинает негромко, «как бы декламируя», произносить: «О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы зовем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живешь и разрушаешь...» Трофимов обрывает его: «Вы лучшие желтого в середине дуплетом».

В романе Толстого Стиве Облонскому влиятельные друзья и приятели подыскивали «хорошее место». Гаев тоже уповаet на прежние знакомства и связи. Размышляя о том, как спасти вишневый сад, он важно говорит: «В четверг я был в окружном суде, ну, сошлась компания, начался разговор о том, о сем, пятое-десятое, и, кажется, вот можно будет устроить заем под векселя, чтобы заплатить проценты в банк». Потом он сообщает, что его «обещали познакомить с одним генералом, который может дать под вексель». Примечательна лексика Гаева: «Мне предлагают место в банке. Шесть тысяч в год...» Его «обещали познакомить», «можно будет устроить заем». Гаеву кажется, что он, как и прежде, окружен приятелями и приятными людьми, которые будут рады оказать ему услугу.

На старости лет ему придется заняться весьма непривычным для него делом – пойти служить. Кто-то из прежних знакомых сжалился над лишенным дохода Леонидом Андреевичем и нашел ему место. Наверное, Гаеву нашли «доходное» место так же, как родственники и приятели ищут его для Облонского, чьи дела – «в дурном положении».

Толстой с юмором описывает «теплое» место со сложным названием, на которое нацелился Стива: *«Это было одно из тех мест, которых теперь, всех размеров, от тысячи до пятидесяти тысяч в год жалованья, стало больше, чем прежде было теплых взяточных мест; это было место члена от комиссии соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных дорог и банковых учреждений»*. Ирония состоит еще и в том, что «банковскими служаками» окажутся люди, подобные Облонскому и Гаеву, очаровательные расточители и моты.

Гаев сообщает об этом со своей извечной присказкой: *«Я банковский служака, теперь я финансист... желтого в середине»*. Хотя ни к чему, кроме как к игре в бильярд, Гаев уже не способен, над чем иронизирует Лопухин: *«Леонид Андреич, говорят, принял место, будет в банке, шесть тысяч в год... Только ведь не усидит, ленив очень...»*

В сцене прощания с домом, где прошло его детство, Гаев, по своему обычаю, не может удержаться от речей, хотя ему хочется плакать: *«Друзья мои, милые, дорогие друзья мои! Покидая этот дом навсегда, могу ли умолчать, могу ли удержаться, чтобы не высказать на прощанье те чувства, которые наполняют теперь все мое существо...»* Племянницы в ответ привычно умоляют его замолчать, и он, так же привычно, уныло откликается: *«Дуплетом желтого в середине... Молчу...»*

Чехов на протяжении всей пьесы дает ремарки к речам

Гаева: «*смущен*», «*сильно смущен*». Гаев действительно смущен. Та самая «леденцовая» жизнь закончилась, а привычки и замашки остались прежними. Он чувствует, что вечно говорит не к месту и что никто не принимает его всерьез, даже лакей Яша.

Единственный раз, когда уже нельзя будет лгать себе и пытаться в чем-то уверить других, ему придется посмотреть правде в глаза и осознать случившееся. Когда в финале брат и сестра в последний раз видят дом и сад, обнимаются и рыдают, Гаевым овладевает отчаяние.

Он, как ребенок, ищет утешения и помощи, повторяя: «*Сестра моя, сестра моя...*» В этот момент Гаев похож на другого дядюшку, Ивана Петровича Войницкого. В третьем действии «Дяди Вани», когда Войницкий решается на неслыханный бунт и предьявляет Серебрякову счет за непрожитую жизнь, все кончается полудетским криком, обращенным к матери: «*Я зарапортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!*»

В последнем действии Гаев вспоминает детство, время, когда были живы родители, когда вишневый сад еще, может быть, не был заложен: «*Помню, когда мне было шесть лет, в Троицын день я сидел на этом окне и смотрел, как мой отец шел в церковь...*» Гаев чувствует себя в это время маленьким, оставленным и одиноким. Он с грустью говорит сестре: «*Все нас бросают, Варя уходит... мы стали вдруг не нужны*». В этой реплике значим порядок слов и порядок перечисления

– Леонид Андреевич неизменно уверен, что он жертва и что о нем должны заботиться.

Гаева очень хочется пожалеть. Он сам себя искренне жалеет. Беда в том, что даже перед лицом случившегося он не в силах осознать, что не они стали «вдруг» не нужны и не их «все бросают». Ему оказались не нужны и, в сущности, безразличны, те, кто его любил и искренне ему верил – его «ангел», семнадцатилетняя Аня, кроткая Варя и преданный старый Фирс.

Этот вечный ребенок, вечный брат, вечный дядюшка давно уже проиграл то, что было основой рода, семьи и его собственного существования.

«Барыня из Парижа приехала!», или О жизни Раневской во Франции

Пьеса «Вишневый сад» начинается сценой ожидания Раневской, она приезжает из Парижа. В конце пьесы она тоже уезжает – в Париж.

Образ барыни или барина, с шиком прокатившегося за границу и прожившего немало денег, встречается в романах Тургенева, Достоевского, Толстого. Это и «бабуленька» в «Игроке», семейство Щербацких на европейском курорте, сцены из романа «Дым», книга Лейкина «Наши за границей» и «Мимочка на водах» В. Микулич.

Живописная сцена из «Игрока» как нельзя ярче рисует картину жизни богатых русских за рубежом. «Помещица и московская барыня», «грозная и богатая семидесятипятилетняя Антонида Васильевна Тарасевичева», приезжает на воды лечиться, но оказывается в игорном зале. Проиграв в рулетку пятнадцать тысяч, она досадует: *«Я сегодня пятнадцать тысяч целковых просадила на растреклятой вашей рулетке. В подмосковной я, пять лет назад, дала обещание церковь из деревянной в каменную перестроить, да вместо того здесь просвисталась. Теперь <...> церковь поеду строить»*. Проиграна значительная сумма. Такие же день-

ги, пятнадцать тысяч, присланные ярославской бабушкой на уплату банковского долга за заложенное имение, Раневская забирает, когда снова уезжает в Париж.

Героиня Достоевского, злополучная «бабуленька», вновь оказывается около рулетки и проигрывает еще десять тысяч. Сопровождает ее дворецкий Потапыч, *«седой старичок, во фраке, в белом галстуке и с розовой лысиной»*. Эскапады барыни сокрушают слугу: *«Ох, уж эта мне заграница! <...> Говорил, что не к добру. И уж поскорей бы в нашу Москву! И чего-чего у нас дома нет, в Москве? Сад, цветы, каких здесь и не бывает, дух, яблоньки наливаются, простор, – нет: надо было за границу! Ох-хо-хо!..»* Окончательный проигрыш русской барыни: *«Я <...> всё там оставила, почти сто тысяч рублей. <...> Теперь я без денег, гроша нет»*. Но тут же добавляет: *«Я еще <...> довольно богата. У меня три деревни и два дома есть. Да и денег еще найдется, не все с собой взяла»⁵*.

Поездка в Париж – почти каноническая примета жизни богатого русского дворянства. Старый Фирс вспоминает, что барин (отец Раневской и Гаева) тоже в Париж на лошадях ездил.

К происходящему в настоящем времени – грядущей продаже имения и сада, к неустроенной судьбе ее детей и домоладцев – Раневская почти равнодушна. Она вполне искрен-

⁵ Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 12 т. Т. 3. М.: Правда, 1982. С. 395, 396, 398, 408.

не говорит о любви к дочери, к саду, радуется, что застала в живых «своего старичка» Фирса. Но чувства, которые питают эти слова, переживаются ею постольку, поскольку она видит перед собой воочию близких людей и дом, где прошло ее детство.

Она трогательно кается в своих грехах, рассказывает о муже, делавшем только долги, о любовнике, обманувшем ее, о гибели сына, но вдруг слышит звуки еврейского оркестрика. И живо произносит: *«Его бы к нам зазвать как-нибудь, устроить вечерок»*. Что бы ни происходило в жизни Раневской, «вечерок» в день торгов будет устроен.

Происходящее, при всей горечи потери, для нее преграда на пути к тому, кого она действительно обожает и кому служит, – любовнику, живущему за границей. Приезда Раневской в Россию могло и не быть. Присутствие хозяйки имения на аукционе не обязательно, торги прошли бы и без нее.

Нетрудно подсчитать: если Ане сейчас семнадцать, Раневская оставила ее одиннадцатилетней и едва ли приезжала на родину в эти годы. Личные переживания и заботы о любимом человеке поглощали все ее время. Одно разорение – продажу дачи в Ментоне за долги – Раневская уже пережила, однако домой не вернулась. Уехала из Ментоны в Париж, где на немногие оставшиеся деньги сняла ту самую квартирку на пятом этаже, которая так ужаснула ее дочь. Может быть, о попытке самоубийства Раневской сообщили ее родственникам или она сама рассказала об этом в письме.

Понимая, что никакие уговоры и доводы рассудка для Любови Андреевны не резон, за ней послали во Францию Аню, дав ей в компаньонки гувернантку Шарлотту. Аня – молодая наивная девушка, это ее первое путешествие в жизни. Она плохо говорит по-французски, как и ее спутница, Шарлотта. Логичнее было бы, если бы за Раневской отправился взрослый человек, тот же Гаев, владеющий языком и имеющий хоть какой-то жизненный опыт. Но порой трудно искать здравый смысл в поступках героев «Вишневого сада», особенно если решение за племянницу принимал Гаев или простодушная Варя.

Телеграммы и письма из Парижа, от своего любовника, который ее «обобрал и бросил», Раневская получает постоянно. Сначала она рвет их в клочья и уверяет, что с *«Парижем кончено»*. Потом начинает признаваться в том, что всегда было в ее душе, – в беспокойстве и тоске по *«этому дикому человеку»*: *«...он болен, он одинок, несчастлив, а кто там поглядит за ним, кто удержит его от ошибок, кто даст ему вовремя лекарство? И что ж тут скрывать или молчать, я люблю его, это ясно... Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу»*.

Она заботится о любовнике, как о ребенке, она любит его и служит ему. Раневская не добра и не зла, просто в ее душе нет места ни для чего, кроме ее собственных чувств и переживаний. «Парижский любовник» – единственная «на-

стоящая», не прозрачная жизнь Раневской. Аня, Варя, Фирс, Шарлотта, брат – для нее и живые люди и одновременно миражи, как *«покойная мама»*, которая вдруг привиделась ей, когда она смотрела на вишневое деревцо.

Во имя этой жизни она пустила на ветер свое состояние, лишила будущего себя и своих близких. Она принадлежит только *«парижской жизни»*, только перед той жизнью у нее есть обязательства.

Тем интереснее понять, какими были те годы, которые *«великолепная»* Любовь Андреевна провела на французской Ривьере и потом в Париже, как жили за границей современники героини *«Вишневого сада»*, люди ее круга и ее сословия, какой образ жизни они вели. Наконец, как выглядела Раневская в глазах общества, к которому она принадлежала по праву рождения и воспитания.

О прошлом Любви Андреевны известно, что она была замужем, что муж ее делал только долги и *«умер от шампанского»*. Она выбрала человека не своего круга, безо всякого расчета, по большой страсти. Скорее всего, супруг Любви Андреевны жил на деньги жены. Как и ее любовник: *«Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги»*.

Шампанское, легкое игристое вино в XIX веке символизировало прожигание жизни, легкое отношение ко всем и ко всему. Так, в очень популярной в конце позапрошлого столетия повести Лидии Веселитской (Микулич) *«Мимочка на*

водах» главная героиня отчаянно завидует своей кузине Нетти. Бесприданнице Мимочке пришлось стать женой толстого генерала Спиридона Ивановича. Нетти же, подобно Раневской, вышла замуж по любви, за «легкомысленного и ненадежного молодого человека»: *«...но как они живут, Боже мой, как они живут! Правда, что они проматывают капитал, и старики Полтавцевы со страхом и неодобрительно покачивают на это головами. Правда, что поклонник Нетти как бы крепче и крепче прирастает к дому, так что многие уже, говоря о нем, многозначительно улыбаются <...>, но что ж из этого? Зато Нетти веселится, Нетти живет... Нетти одевается эксцентрично, Нетти ездит в оперетку, в маскарады, в рестораны, смеется над всем и всеми и довольствуется мужским обществом. О ней много говорят и нехорошо говорят; но она смеется и над этим. Муж терпит, и все терпят... И вокруг Нетти жизнь и веселье играют и искрятся, как шампанское, которое не сходит у нее со стола».*

Нет сомнений, что шампанское не сходило со стола мужа Любви Андреевны. Шампанское, упомянутое в первом действии, словно «выстреливает» в финале. Лопехин заказывает вино, чтобы отпраздновать отъезд. И еще один паразит, прилепившийся к Раневской, лакей Яша, «вылакавший шампанское», важно уверяет, что оно «не настоящее».

Раневская живет не по средствам, живет «взаймы». С легкостью необыкновенной она забирает последние деньги, ко-

которые могли бы очень пригодиться ее дочерям, Ане и Варре. Однако она готова оплачивать красивую жизнь своих мужчин, даже лакея Яши. Характерно, что коллизия, когда женщина оказывается за границей, у Чехова часто связана с чем-то нечистым, замешанным на праздности («Ариадна», «Моя жизнь») или же – несчастливым, гибельным, с примесью адюльтера («Рассказ неизвестного человека»).

Во Францию Раневская бежала от своего прошлого и воспоминаний о гибели сына Гриши. Вслед за ней туда устремился ее любовник. Кто он? Можно лишь догадываться, что это или русский, предпочитающий жить в Европе, или же француз. Именно для любовника Раневская купила дачу в Ментоне, одном из французских курортов, популярном в XIX веке среди богатых русских.

До шестидесятых годов выезд за границу могли себе позволить немногие очень состоятельные люди, да и то по особому соизволению властей. Один только паспорт стоил 500 рублей, деньги огромные по тому времени.

Все изменила смерть императора Николая I, рухнули прежние порядки. В Европу, по словам писателя Боборыкина, поехали *«люди подготовленные, ехали учиться, но сколько же тронулось туда всякого шляющегося народа»*. Много изменилось и на модных курортах.

Зимой 1856/57 года вдова императора Александра Федоровна приехала в Ниццу, положив начало «русским сезонам» на французской Ривьере. Императрица открыла под-

писку на строительство православного храма, он был построен довольно быстро. Естественно, место, где часто бывала царская семья, довольно скоро стало модным у русских путешественников. В Ницце даже было открыто русское консульство. Когда Чехов жил в Ницце в 1897–1898 годах, он подружился с Н. И. Юрасовым, русским вице-консулом в Ментоне и помощником консула в Ницце.

Сам Ментон (или Ментона) – город на французской Ривьере, в 30 километрах от Ниццы, известный как город садов и парков, около итальянской границы. Есть в Ментоне русское кладбище и русская церковь.

Чехов наблюдал русских в Париже, Ницце и Ментоне во время своих поездок за границу. В круге его русских знакомых были художник В. И. Якоби, писатель Вас. И. Немирович-Данченко, журналист В. М. Соболевский и другие.

Жизнь на французской Ривьере Чехов характеризовал как «дешевую». За еду в «Русском пансионе» он платил 11 франков. В письме к сестре от 15 (27) октября 1897 года он писал, что жизнь в Ницце дешевле, чем в Ялте, и что вполне можно обходиться 100 рублями в месяц.

Надо сказать, что покупка и содержание дачи (виллы) в Ментоне – поступок, позволительный лишь для состоятельных людей. Хотя в сравнении со стоимостью заложенного имения и сада Раневской цена виллы не кажется такой уж огромной. Скорее, это свидетельство того, как широко жила и какие гигантские суммы тратила Раневская, буквально

бросая деньги на ветер.

Живя в Ницце, Чехов познакомился с известным социологом М. М. Ковалевским. В то время Ковалевский был вынужден уехать из России и оставить преподавание в университете. Во Франции он жил на собственной вилле в окрестностях Ниццы, в деревне Болье.

Сохранилось описание виллы Ковалевского. Она стояла на крутом склоне над морем: «Это очень уютный двухэтажный дом с террасой и балконами, окруженный небольшим, но очень тенистым и полным самых разнообразных растений садом <...>. Рядом с пальмами и агавами в садике цвели апельсины и лимоны и прекрасные штамбовые розы. В полуподвальном этаже располагалась огромная библиотека»⁶. Можно представить, что и у Раневской вокруг виллы в Ментоне цвел сад, хотя и не вишневый.

В архиве города Ментоны хранятся записи (купчие) продажи вилл того времени. Некий месть Фабрисино 4 марта 1903 года оформил в нотариальной конторе города продажу виллы, при вилле была лимонная роща. Вилла ушла за 7 тысяч франков (около 2500 рублей). 29 апреля 1903 года тот же нотариус оформил продажу виллы «Зина», продавцом был некий месть Новазо. Вилла была продана за 7400 франков. В вилле на первом этаже располагались гостиная, столовая, коридор, комната прислуги, ватерклозет и лестница. На втором этаже – 4 спальни, спальня прислуги, ватерклозет, ван-

⁶ Ковалевский Максим. 1851–1916. Пг., 1917. С. 32.

ная и бельевые комнаты. В сделку входили два сервиза и кухонная утварь. При доме был сад⁷.

Сколько стоила в то время русская «вилла», то есть небольшой дом с садиком? Ответ есть в письмах Чехова. 6 августа 1891 года он писал старшему брату из Богимова, где снимал дачу для семьи и уже задумывался о покупке своего дома: «Наклеывается отличное именье в сорок десятин с домиком и сараями, садом, лесом и речушкой, стоящее только 2 1/2–3 тысячи. Ах, вот бы!» Восклицание – «Ах, вот бы!» – скрывает вопрос, как он сможет заработать и накопить на эту покупку.

Владельцы вишневого сада могли позволить себе не только дачу в Ментоне, они покупали и тратили, не задумываясь. Расходы у Раневской немалые, а источником дохода являются деньги за заложенное в банк имение. Дачу надо содержать, как и платить прислуге (едва ли ленивый Яша брал на себя обязанности садовника или повара). Денег у Раневской уже не доставало, дачу в Ментоне продали, и у русской барыни ничего не осталось.

Но сократить свои расходы она попросту не может. Аня жалуется, что к моменту возвращения домой у них не осталось ни копейки. Однако мать по привычке заказывала в дороге «все самое лучшее» и давала на чай по рублю, а случайному прохожему (во втором действии «Вишневого сада»)

⁷ За дружескую помощь и предоставленные сведения из архива г. Ментоны я благодарю Светлану Пэйн.

она дает золотой из денег, взятых ею займы у Лопехина. Хотя только что корила себя, глядя в портмоне: *«Вчера было много денег, а сегодня совсем мало. Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно... (Уронила портмоне, рассыпала золотые.) Ну, посыпались... (Ей досадно)».*

Золотой рубль как «золотой денежный стандарт», появился в России в 1895–1897 годах по инициативе министра финансов С. Ю. Витте. Существовали золотые «пять рублей», «семь с половиной рублей», «десять рублей». Если даже Раневская дает пятирублевый золотой на чай, это щедрая «милостыня». Не зря Варя, которая кормит слуг горохом, едва может сдержать свое возмущение щедрым подаянием:

«Варя (испуганно). Я уйду... я уйду... Ах, мамочка, дома людям есть нечего, а вы ему отдали золотой.

Любовь Андреевна. Что же со мной, глупой, делать! Я тебе дома отдам все, что у меня есть. Ермолай Алексеевич, дадите мне еще займы!..

Лопехин. Слушаю».

Что такое была жизнь Раневской на Ривьере, кем она была для людей ее сословия и ее круга? Русские дворяне, особенно аристократы, жившие постоянно или временно на заграничных курортах, составляли особое сообщество, причем весьма закрытое. Они всячески стремились отгородиться от «нுவоришей», людей иных сословий или же благородных се-

мей, запятнавших себя неблагоприятным поведением. Происходило то, что Толстой в «Анне Карениной» обрисовал так: *«Как и во многих местах, где собираются люди, так и на маленьких немецких водах, куда приехали Щербацкие, совершилась обычная как бы кристаллизация общества, определяющая каждому его члену определенное и неизменное место»*.

Было ли вообще у Раневской, открыто жившей на вилле с любовником, «место» как таковое?

Мария Константиновна Битюгова («Дуэль»), жена чиновника, отнюдь не дама высшего общества, но всего лишь бывшая гувернантка, с осуждением и брезгливостью относится к Надежде Федоровне, которая открыто сожительствует с Лавским.

В повести Чехова «Моя жизнь» мать семейства Ажогина стыдит Мисаила Полознева, сестра которого стала любовницей доктора Благово и теперь ждет от него ребенка: *«Друг мой, это ужасно, – проговорила она, ломая руки и, по обыкновению, пристально всматриваясь мне в лицо. – Это ужасно! Ваша сестра в положении... она беременна! Уведите ее, прошу вас...»*

Она тяжело дышала от волнения. А в стороне стояли три дочери, такие же, как она, худые и плоские, и пугливо жались друг к другу. Они были встревожены, ошеломлены, точно в их доме только что поймали каторжника. Какой позор, как страшно! А ведь это почтенное семейство всю жизнь боролось с предрассудками; очевидно, оно полагало,

что все предрассудки и заблуждения человечества только в трех свечах, в тринадцатом числе, в тяжелом дне – понедельнике!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.